

P. o. rel 3520.

Tjutschew

<36629151680016

<36629151680016

Bayer. Staatsbibliothek

СТИХОТВОРЕНІЯ

О. ТЮТЧЕВА

СТИХОТВОРЕНІЯ

О. ТЮТЧЕВА

КАЗАНСКОЕ УЧЕБНОЕ ОУЧЕБНОЕ

ОУЧЕБНОЕ ОУЧЕБНОЕ ОУЧЕБНОЕ ОУЧЕБНОЕ

ОУ

1839
1839

СТУДЕНТОВЕ

О. ТИТОВ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Θ. ТЮТЧЕВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

=

1854

312.2.

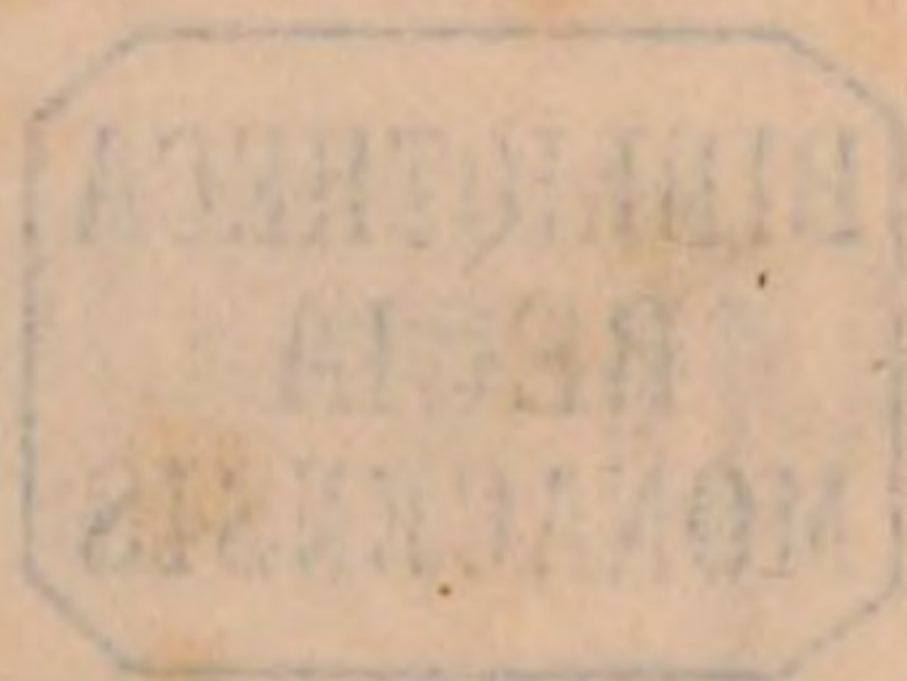
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ ,
съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ ; мая 30 дня 1854 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Получивъ отъ О. И. Тютчева право на изданіе его стихотвореній, редакція «Современника» помѣстила въ этомъ собраніи и тѣ стихотворенія, которыя принадлежатъ къ самой первой эпохѣ дѣятельности поэта и теперь были бы, вѣроятно, имъ самимъ отвергнуты. Но мы сочли за лучшее дать публикѣ изданіе по возможности полное. Такимъ образомъ, въ настоящемъ собраніи представляется публикѣ вся поэтическая дѣятельность поэта, за исключеніемъ нѣсколькихъ пьесъ, совершенно незначительныхъ.

Санктпетербургъ, май 1854.

Поэтому отъ Н. Н. Тютчева право на из-
намереніи «Современ-
нѣ и нѣмало въ томъ собраніи и
стихотвореніи, которое принадлежитъ къ са-
мой первой эпохѣ дѣятельности поэта и теперь
было бы, вѣроятно, имъ самимъ отобрѣнуто.
Но мы считаемъ за лучшее, такъ по крайней мѣрѣ
по возможности полное. Тѣмъ не менее, въ
настоящемъ собраніи представлено по крайней
мѣрѣ всѣмъ поэтическимъ дѣятельностямъ поэта, въ
исключеніи всѣхъ дѣлъ, совершено
всѣмъ дѣломъ.

Самостоятельно, въ 1884.

УТРО ВЪ ГОРАХЪ.

Лазурь небесная смѣется,
Ночной омытая грозой,
И между горъ росисто вьется
Долина свѣтлой полосой.

Лишь высшихъ горъ до половины
Туманы покрываютъ скать,
Какъ бы воздушныя руины
Волшебствомъ созданныхъ палатъ.

II.

СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Уже полдневная пора
Палить отвѣсными лучами,
И задымилася гора
Съ своими черными лѣсами.

Внизу какъ зеркало стальное
Синѣютъ озера струи,
И съ камней, блещущихъ на зноѣ,
Въ родную глубь спѣшатъ ручьи.

И между тѣмъ какъ, полусонный,
Нашъ дольний міръ, лишенный силъ,
Проникнуть нѣгой благовонной,
Во мглѣ полуденной почилъ, —

Горѣ, какъ божества родныя
Надъ усыпленною землей,
Играютъ выси ледяныя
Съ лазурью неба огневой.

ВЕСЕННЯЯ ВОДА.

III.

ПОЛДЕНЬ.

Лѣниво дышетъ полдень мгlistый,
Лѣниво катится рѣка,
И въ тверди пламенной и чистой
Лѣниво таютъ облака.

И всю природу, какъ туманъ,
Дремота жаркая объемлетъ,
И самъ теперь великій Панъ
Въ пещерѣ нимфъ спокойно дремлетъ.

✓
IV.

Песокъ сыпучій по колѣни....
Мы ѣдемъ ; поздно — меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣны.

Чернѣй и чаще боръ глубокій....
Какія грустныя мѣста!...
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

V.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ —

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

VI.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть....
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь —
Порывистый, холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

✓ VII.

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей,
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И, на солнцѣ нѣжась, блещетъ,
И смѣется надъ тобой.

VIII.

ВЕСНА.

Какъ ни гнететъ рука судьбины,
Какъ ни томить людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце какъ ни полно ранъ,
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены —
Что устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны!

Весна — она о васъ не знаетъ,
О васъ, о горѣ и о злѣ;
Безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ,
И ни морщины на челѣ....

Своимъ законамъ лишь послушна,
Въ условный часъ слетаетъ къ намъ,
Свѣтла, блаженно-равнодушна,
Какъ подобаетъ божествамъ.

Цвѣтами сыплетъ надъ землею,
Свѣжа, какъ первая весна:

Была ль другая передъ нею —

О томъ не вѣдаетъ она.

По небу много облакъ бродить,

Но эти облака ея :

Она ни слѣду не находитъ

Отцвѣтшихъ весенъ бытія.

Не о быломъ вздыхаютъ розы

И соловей въ ночи поетъ ;

Благоухающія слезы

Не о быломъ Аврора льетъ....

И страхъ кончины неизбежной

Не свѣтъ съ древа ни листа....

Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,

Вся въ настоящемъ разлита.

Игра и жертва жизни частной,

Приди жь, отвергни чувствъ обманъ

И ринься, бодрый, самовластной,

Въ сей животворный океанъ !

Приди — струей его эфирной

Омой страдальческую грудь —

И жизни божески-всемірной

Хотя на мигъ причастенъ будь !

IX.

Давно ль, давно ль, о югъ блаженный,
Я зрѣлъ тебя лицомъ къ лицу,
И какъ Эдемъ ты растворенный
Доступенъ былъ мнѣ, пришлецу?
Давно ль — хотя безъ восхищенья,
Но новыхъ чувствъ не даромъ полнъ,
Я тамъ заслушивался пѣнья
Великихъ, средиземныхъ волнъ!

И пѣснь ихъ, какъ во время оно,
Полна гармоніи была,
Когда изъ ихъ родного лона
Киприда свѣтлая всплыла....
Онѣ всѣ тѣ же и понынѣ,
Все также блещутъ и звучатъ —
По ихъ лазоревой равнинѣ
Родные призраки скользятъ.

Но я.... я съ вами распростился.
Я вновь на сѣверъ увлеченъ;
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклонъ.

Здѣсь воздухъ колетъ : снѣгъ обильный
На высотахъ и въ глубинѣ , —
И холодъ, чародѣй всесильный,
Одинъ господствуетъ вполнѣ.

Но тамъ, за этимъ царствомъ вьюги,
Тамъ—тамъ, на рубежѣ земли,
На золотомъ, на свѣтломъ югѣ,
Еще я вижу васъ вдали :
Вы блещете еще прекраснѣй,
Еще лазурнѣй и свѣжѣй,
И говоръ вашъ еще согласнѣй
Доходитъ до души моей.

Х.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами;
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьеть о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ,
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ....
Приливъ растеть и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.

Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

XI.

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерѣлъ. Мы были двое,
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ, бѣлѣя,
Руина замка вдаль глядитъ,
Стояла ты, молодая Фея,
На мшистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой;
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ замкомъ, и съ тобой.

И вечеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно вдаль глядѣла....
Край неба дымно гасъ въ лучахъ;

День догоралъ ; звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты съ веселостью безпечной
Счастливый провожала день....
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

ХІІ.

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ :
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листь и цвѣтъ на деревѣ :
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ, чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца знать не дышатъ
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили
И ночь въ звѣздахъ нѣма была,

И, языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,

Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина : пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой !
Увы ! души въ немъ не встревожить
И голосъ матери самой !

✓ XIII.

Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный
Твой взоръ, твой страстный взоръ изнемогалъ на
немъ:

Безсмысленно-нѣма, нѣма какъ опаленный
Небесной молніи огнемъ!

Вдругъ, отъ избытка чувствъ, отъ полноты сер-
дечной,

Вся трепеть, вся въ слѣзахъ, ты повергалась ницъ;
Но скоро добрый сонъ, младенчески-безпечный,
Сходилъ на шолкъ твоихъ рѣсницъ.

И на руки къ нему глава твоя склонялась,
И матери нѣжнѣй тебя лелѣялъ онъ....

Стонъ замиралъ въ устахъ, дыханье уравнилось,
И тихъ и сладокъ былъ твой сонъ.

А днесъ.... О, если бы тогда тебѣ приснилось,
Что́ будущность для насъ обоихъ берегла....

Какъ, уязвленная, ты бѣ съ воплемъ пробудилась
Иль въ сонъ иной бы перешла.

XIV.

И гробъ опущенъ ужь въ могилу,
И все столпилось вокругъ.
Толкутся, дышать черезъ силу....
Спираетъ грудь тлетворный духъ.

И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ,
Ученый пастырь сановитый
Рѣчь погребальную гласить:
Вѣщаетъ брѣнность человѣчью,
Грѣхопаденъе, кровь Христа, —
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята.

.... А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой.

ХУ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВИЛЛА.

И распростясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью, — тѣнью елисейской,
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ тому ужъ вѣка два иль болѣ
Волшебною мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно :
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полу-сонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

По прежнему фонтанъ въ углу лепечетъ,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечетъ....
И спитъ она, и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли : все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно !

Фонтанъ журчалъ; недвижимо и стройно
Сосѣдній кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепеть
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ, и нѣкій чудный лепеть
Какъ бы сквозь сонъ невнятно прошепталъ.

Что́ это, другъ! иль злая жизнь не даромъ, —
Та жизнь — увы! — что́ въ насъ тогда текла, —
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

XVI.

SILENTIUM.

✓ Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи.

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изрѣченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушить наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи.

ХVII.

Какъ птичка раннею зарей,
Міръ, пробудившись, встрепенулся....
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжестъ утренняя вѣтъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣтъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ!

О, какъ пронзительны и дики,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенье, говоръ, клики
Младого, пламеннаго дня!
О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза!
Ночь, ночь! о, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса!...

Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ,
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пѣней
Неправый праведенъ упрекъ!
Какъ грустно полу-сонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!

XVIII.

✓ Какъ надъ горячею золой
Дымится свитокъ и сгараеть,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожираеть, —

Такъ грустно тлится жизнь моя
И съ каждымъ днемъ уходитъ дымомъ;
Такъ постепенно гасну я
Въ однообразьи нестерпимомъ....

О, небо, если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ
И, не томясь, не мучась долѣ,
Я просіялъ бы и погасъ !

XIX.

✓ Въ душномъ воздухѣ молчанье,
Какъ предчувствіе грозы,
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы.

Чу! за бѣлой, душею тучей
Прокатился глухо громъ;
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ....

Жизни нѣкій преизбытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлить,
Какъ божественный напитокъ
Въ жилахъ млѣть и горитѣ!

Дѣва, дѣва, что волнуешь
Дымку персей молодыхъ?
Что мутится, что тоскуешь
Влажный блескъ очей твоихъ?

Что, блѣднѣя, замираетъ
Пламя дѣвственныхъ ланитъ?

Что такъ грудь твою спираетъ
И уста твои палить?

Сквозь рѣсницы шелковыя
Проступили двѣ слезы....
Иль то капли дождевыя
Зачинающей грозы?...

И что твоя душа — элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,

Ни замысламъ години буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.

Душа моя — элизіумъ тѣней!

Что общаго межъ жизнью и тобою,

Межъ вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней,

И сей безчувственной толпою?

XX.

Душа моя — элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ години буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю не причастныхъ.

Душа моя — элизіумъ тѣней!
Что общаго межъ жизнью и тобою,
Межъ вами, призраки минувшихъ лучшихъ дней,
И сей безчувственной толпою?

XXI.

Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля.
Вокругъ меня все было такъ уныло;
Безцвѣтный грунтъ небесь, песчаная земля, —
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнилъ о быломъ печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ея, простертые въ пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная рѣка,
И на тебя, прибрежная дуброва,
Вы — мыслилъ я — пришли издалека,
Вы — сверстники сего былова!

Такъ вамъ однѣмъ лишь удалось
Дойти до насъ съ береговъ другого свѣта:
О, еслибъ про него хоть на одинъ вопросъ
Могъ допроситься я отвѣта!....

Но твой, природа, міръ о дняхъ былыхъ молчитъ
Съ улыбкою двусмысленной и тайной:
Такъ отрокъ, чаръ ночныхъ свидѣтель бывъ слу-
чайной,
Про нихъ и днемъ молчаніе хранитъ.

XXI

XXII.

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что значить странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумной!
Понятымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ
И ноешь и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки!

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимой!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться....
О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!...

✓ XXIII.

Душа хотѣла бѣ быть звѣздой, —
Но не тогда, какъ съ неба полуночи
Сія свѣтила, какъ живыя очи,
Глядятъ на сонный міръ земной, —

Но днемъ, когда сокрытыя какъ дымомъ
Палящихъ солнечныхъ лучей,
Они какъ божества горятъ свѣтлѣй
Въ эфирѣ чистомъ и незримомъ.

✓ XXIV.

Такъ здѣсь-то суждено намъ было
Сказать послѣднее прости,
Прости всему, чѣмъ сердце жило,
Что жизнь убивъ, ее испепелило
Въ твоей измученной груди!

Прости.... чрезъ много, много лѣтъ
Ты будешь помнить съ содроганьемъ
Сей край, сей берегъ съ его полуденнымъ сіяньемъ,
Гдѣ вѣчный блескъ и ранній цвѣтъ,
Гдѣ позднихъ, блѣдныхъ розъ дыханьемъ
Декабрьскій воздухъ разогрѣтъ.

XXV.

Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаковъ вечернихъ тѣнь
По свѣтлымъ кровлямъ пролетала;

И доносились порой
Всѣ звуки жизни благодатной,
И все въ одинъ сливалось строй, —
Строй звучный, шумный и невнятной.

Весенней нѣгой утомленъ,
Я впалъ въ невольное забвенье.
Не знаю, дологъ ли былъ сонъ,
Но странно было пробужденье.

Затихъ повсюду шумъ и гамъ
И воцарилось молчанье;
Ходили тѣни по стѣнамъ,
И полусонное мерцанье;

Украдкою въ мое окно
Глядѣло блѣдное свѣтило,

И мнѣ казалось, что оно
Мою дремоту сторожило;

И мнѣ казалось, что меня
Какой-то миротворный геній
Изъ пышно-золотого дня
Увлекъ незримо въ царство тѣней.

XXVI.

ЦИЦЕРОНЪ.

Ораторъ римскій говорилъ,
Средь бурь гражданскихъ и тревоги:
«Я поздно всталъ и на дорогѣ
Застигнутъ ночью Рима былъ!»
Такъ; но, прощаясь съ римской славой,
Съ капитолійской высоты
Во всемъ величьи видѣлъ ты
Закатъ звѣзды его кровавой!...
Счастливъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя:
Его призвали Всеблагія,
Какъ собесѣдника на пиръ;
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель,
Онъ въ ихъ совѣтъ допущенъ былъ,
И заживо, какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ.

XXVII.

ФОНТАНЪ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣтъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучемъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной —
И снова пылью огнецвѣтной
Низпасть на землю осужденъ.

О, смертной мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремить, тебя мятеть?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты....

XXVIII.

ДВУМЪ СЕСТРАМЪ.

Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ,
И всю тебя узналъ я въ ней:
Та жь тихость взора, нѣжность гласа,
Та жь прелесть утренняго часа,
Что вѣяла съ главы твоей!
И все, какъ въ зеркалѣ волшебномъ,
Все обозначилося вновь:
Минувшихъ дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

XXIX.

Востокъ бѣлѣлъ.... ладья катилась,
Вѣтрило весело звучало!

Какъ опрокинутое небо
Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ... она молилась,

Съ кудрей откинувъ покрывало,

Дышала на устахъ молитва,

Во взорахъ небо ликовало....

Востокъ вспылалъ.... она склонилась,

Блестящая поникла выя,

И по младенческимъ ланитамъ

Струились капли огневья....

✓ XXX.

Потокъ сгустился и тускнѣетъ
И прячется подъ твердымъ льдомъ,
И гаснетъ цвѣтъ, и звукъ нѣмѣетъ
Въ оцѣпенѣнны ледяномъ.
Лишь жизнь безсмертную ключа
Сковать всеильный хладъ не можетъ :
Она все льется и, журча,
Молчанье мертвое тревожитъ.

Такъ и въ груди осиротѣлой,
Убитой хладомъ бытія,
Не льется юности веселой,
Не блещетъ рѣзвая струя.
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропотъ,
И внятно слышится порой
Ключа таинственнаго шопотъ.

XXX

XXXI.

✓ Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ:
Снѣгъ разстаялъ и ушелъ;
Вешній злакъ блеститъ въ равнинѣ, —
Злакъ увянетъ и уйдетъ.

А который вѣкъ бѣлѣтъ
Тамъ, на высяхъ снѣговыхъ?
А заря и нынѣ сѣтъ
Розы свѣжія на нихъ!...

XXXII.

Тамъ, гдѣ горы, убѣгая,
Въ свѣтлой тянутся дали,
Пресловутаго Дуная
Льются вѣчныя струи.

Тамъ-то, молвятъ, въ стары годы,
По лазуревымъ ночамъ
Фей вилися хороводы
Подъ водой и по водамъ.

Мѣсяцъ слушалъ, волны пѣли
И, навѣсясь съ горъ крутыхъ,
Замки рыцарей глядѣли
Съ сладкимъ ужасомъ на нихъ.

И лучами неземными,
Заключень и одинокъ,
Перемигивался съ ними
Съ древней башни огонекъ.

Звѣзды въ небѣ имъ внимали,
Проходя за строемъ строй,

И бесѣду продолжали
Тихомолкомъ межъ собой.

Въ панцырь дѣдовскій закованъ,
Воинъ — сторожъ на стѣнѣ —
Слышалъ, тайно очарованъ,
Дальній гулъ, какъ бы во снѣ.

Чуть дремотой забывался,
Гулъ яснѣлъ и грохоталъ...
Онъ съ молитвой просыпался
И дозоръ свой продолжалъ.

Все прошло, все взяли годы,
Поддался и ты судьбѣ,
О, Дунай, и пароходы
Нынѣче рыщутъ по тебѣ.

✓ XXXIII.

Надъ виноградными холмами
Плывутъ златыя облака,
Внизу зелеными волнами
Шумить померкшая рѣка;
Взоръ постепенно изъ долины,
Подъемаясь, всходитъ къ высотамъ
И видитъ на краю вершины
Круглообразный, свѣтлый храмъ.
Тамъ въ горнемъ, неземномъ жилищѣ,
Гдѣ смертной жизни мѣста нѣтъ,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течетъ.
Туда, взлетая, звукъ нѣмѣетъ, —
Лишь жизнь природы тамъ слышна,
И нѣчто праздничное вѣетъ,
Какъ дней воскресныхъ тишина.

Ротенбургъ.

XXXIV.

Смотри, какъ западъ разгорѣлся
Вечернимъ заревомъ лучей,
Востокъ, померкнувшій, одѣлся
Холодной, сизой чешуей!

Въ враждѣ ль они между собою?
Иль солнце не одно для нихъ
И, неподвижною средою
Дѣля, не соединяетъ ихъ?

XXXV.

АРФА СКАЛЬДА.

О, арфа Скальда, долго ты спала
Въ тѣни, въ тиши забытаго угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свѣтъ блеснулъ въ твоємъ углу,
Вдругъ чудный звонъ затрепеталъ въ струнѣ,
Какъ бредъ души, встревоженной во снѣ.

Какой онъ жизнью на тебядохнулъ?
Иль старину тебѣ онъ вспомянулъ,
Какъ по ночамъ здѣсь сладострастныхъ дѣвъ
Давно минувшій вторился напѣвъ,
Иль въ сихъ цвѣтушихъ и поднесъ садахъ
Ихъ легкихъ ногъ скользитъ незримый шагъ?

XXXVI.

ЛЕБЕДЬ.

Пускай орелъ за облаками
Встрѣчаетъ молніи полетъ
И неподвижными очами
Въ себя впиваетъ солнца свѣтъ.

Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
О, лебедь чистый, твоего!
И чистой, какъ ты самъ, одѣло
Тебя стихіей Божество.

Она между двойною бездною
Лелѣетъ твой всезрящій сонъ,
И полной славой тверди звѣздной
Ты отовсюду окруженъ.

XXXVII.

✓ ДЕНЬ и НОЧЬ.

На міръ таинственный духовъ
Надъ этой бездной безъимянной
Покровъ наброшенъ златотканный
Высокой волею боговъ.

День — сей блистательный покровъ —
День, земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Но меркнетъ день, настала ночь,
Пришла и, съ міра рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвавъ, отбрасываетъ прочь.
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

✓ XXXVIII.

НЕ ВѢРЬ, НЕ ВѢРЬ ПОЭТУ!

Не вѢрь, не вѢрь поэту, дѢва!

Его своимъ ты не зови

И пуще пламеннаго гнѢва

Страшись поэтовой любви.

Его ты сердца не усвоишь

Своей младенческой душой,

Огня палящаго не скроешь

Подъ легкой дѢвственной фатой.

Поэтъ всесиленъ, какъ стихія, —

Не властенъ лишь въ себѣ самомъ;

Невольно кудри молодья

Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

Вотще поносить или хвалить

Поэта — суетный народъ:

Онъ не змѣею сердце жалить,

Но какъ пчела его сосетъ.

Твоей святыни не нарушить

Поэта чистая рука,

Но ненарокомъ жизнь задушить

Иль унесетъ за облака,

XXXIX.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній, первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной и шумъ нагорный, —
Все вторитъ весело громамъ.

Ты скажешь: вѣтренная Геба,
Кормя зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

XL.

СОНЪ НА МОРѢ.

И море и буря качали нашъ челнъ;
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ.
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ —
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы
И вѣтры свистѣли и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ оглушенъ;
Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ....
Болѣзненно-яркій, волшебнo-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой,
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ,
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ....
Сады, лабиринты, чертоги, столпы....
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ:
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ
птицъ, —
По высямъ творенья я гордо шагаль,
И міръ подо мною недвижно сіялъ....
Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской,
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

XLІ.

ВИДѢНІЕ.

Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья,
И въ оный часъ явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилищѣ небесъ!

Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ....
Безпамятство, какъ Атласъ, давитъ сушу;
Лишь музы дѣвственной души
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ!

XI.

СНУГЪ НА МОРЬ.

XIII.

Вечеръ мгlistый и ненастный....

Чу, не жаворонка ль гласъ?

Ты ли, утра гость прекрасный,

Въ этотъ поздній, мертвый часъ,

Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный,

Въ этотъ мертвый поздній часъ?

Какъ безумья смѣхъ ужасный,

Онъ всю душу мнѣ потрясъ!

✓ XLIII.

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста печальныя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые,
И гдѣ теперь туманными очами,
При свѣтѣ вечерѣющаго дня,
Мой дѣтскій возрастъ смотритъ на меня.

О, бѣдный призракъ немощный и смутный
Забытаго, загадочнаго счастья!...

О, какъ теперь безъ вѣры и участя
Смотрю я на тебя, мой гость минутный!
Куда какъ чуждъ ты сталъ въ моихъ глазахъ,
Какъ братъ меншой, умершій въ пеленахъ!

Ахъ, нѣтъ! не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ, —
Не здѣсь разцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!

Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ.

XLIV.

Глядѣлъ я, стоя надъ Невой,
Какъ Исаака великана,
Во мглѣ морознаго тумана,
Свѣтился куполь золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее ночное,
Бѣлѣла въ мертвенномъ покоѣ
Оледенѣлая рѣка.

Я вспомнилъ, грустно молчаливъ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солнце грѣетъ,
Теперь на солнцѣ пламенѣетъ
Роскошный Генуи заливъ....

О, сѣверъ, сѣверъ-чародѣй!
Иль я тобою околдованъ?
Иль въ самомъ дѣлѣ я прикованъ
Къ гранитной полосѣ твоей?

О, еслибъ мимолетный духъ,
Во мглѣ вечерней тихо вѣя,
Меня унесъ скорѣй, скорѣе
Туда, туда, на теплый югъ.

12 ноября 1844 года.

✓ XLV.

Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ,
По склону вновь ожившихъ водъ,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина въ слѣдъ плыветъ.

На солнцѣ ль радужно блистая,
Иль ночью въ поздней темнотѣ,
Но всѣ неизбѣжимо тая,
Онѣ плывутъ къ одной метѣ.

Всѣ вмѣстѣ малыя, большія,
Утративъ прежній образъ свой,
Всѣ безразличны, какъ стихія,
Сольются съ бездной роковой!...

О, нашей мысли обольщенье,
Ты — человѣческое я!
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

XLVI.

Еще томлюсь тоской желаній,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой
И въ сумракѣ воспоминаній
Еще ловлю я образъ твой, —
Твой милый образъ, незабвенный....
Онъ предо мной вездѣ, всегда,
Недостижимый, неизмѣнный,
Какъ ночью на небѣ звѣзда.

XLVII.

✓
Когда въ кругу убійственныхъ заботъ
Намъ все мерзить, и жизнь какъ камней груда
Лежить на насъ, — вдругъ, знаетъ Богъ откуда,
Намъ на душу отрадное дохнетъ,
Минувшимъ насъ обвѣтъ и обниметъ
И страшный грузъ минутно приподыметъ,
Такъ иногда, осеннею порой,
Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
Блѣднѣе небо, пасмурнѣе доли, —
Вдругъ вѣтръ подуетъ, ^{xx}теплый и сырой,
Опавшій листъ погонитъ предъ собою
И душу намъ обдастъ какъ бы весною.

x
<иногда вѣтеръ>
xx <вдругъ подуетъ>

✓ XLVIII.

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви,
Мелькнутъ твои молодые годы,
Живыя помертвѣютъ чувства,
Мечты развѣются твои.

И жизньъ твоя пройдетъ незрима
Въ краю безлюдномъ, безъимянномъ,
На незамѣченной землѣ, —
Какъ исчезаетъ облакъ дыма,
На небѣ тускломъ и туманномъ,
Въ осенней безпредѣльной мглѣ....

ПЛАВАНІЕ.

XLIX.

Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ!
Какъ тѣнь внизу скользитъ неуловимо!
Вотъ наша жизнь — промолвила ты мнѣ —
Не свѣтлый дымъ, блестящій при лунѣ,
А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма!

L.

СЛЕЗЫ.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой, —
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистоимыя, неисчислимыя, —
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

LI.

ПЛАВАНІЕ.

На равнинѣ водъ лазурной
Шли мы вѣрною стезей;
Огнѣдышащій и бурный
Уносилъ насъ змѣй морской.

Съ неба звѣзды намъ свѣтили,
Снизу искрилась волна,
И мятелю влажной пыли
Обдавала насъ она.

Мы на палубѣ сидѣли....
Многихъ сонъ одолѣвалъ....
Все звучнѣй колеса пѣли,
Разгребая шумный валъ....

Приутихъ нашъ кругъ веселый,
Женскій говоръ, женскій шумъ....
Подпираетъ локоть бѣлый
Много милыхъ, сонныхъ думъ.

Сны играютъ на просторѣ
Подъ магической луной,
И баюкаетъ ихъ море
Тихо-струйною волной.

LI.

ВЕНЕЦІЯ.

Дожъ Венеціи свободный
Средь лазоревыхъ зыбей,
Какъ женихъ порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
Съ Адріатикой своей.

И не даромъ въ эти воды
Онъ кольцо свое бросалъ:
Вѣки цѣлые, не годы,
Дивовалися народы....
Чудный перстень воеводы
Ихъ вязалъ и чаровалъ.

И чета въ любви и мирѣ
Много славы нажила.
Вѣка три или четыре,
Все могучѣе и шире,
Разросталась въ цѣломъ мірѣ
Тѣнь отъ львиного крыла.

А теперь въ волнахъ забвенья
Сколько брошенныхъ колецъ !
Миновались поколѣнья —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цѣпи наконецъ !

А теперь въ волнахъ завоетъ
Сколько обреченныхъ колесъ!
— вѣнчаны покойныя —
Эти колеса обречены,
Эти колеса стѣны земныя
Тяжко и дни законныя!

III.

РИМЪ НОЧЬЮ.

Въ ночи лазурной почиваетъ Римъ.
Взошла луна и овладѣла имъ
И спящій градъ, безлюдно величавый,
Наполнила своей безмолвной славой.
Какъ сладко дремлетъ Римъ въ ея лучахъ,
Какъ съ ней сроднился Рима вѣчный прахъ!
Какъ будто лунный міръ и градъ почившій
Все тотъ же міръ, волшебный, но отжившій.

LIV.

Подъ дыханьемъ непогоды,
Вздувшись, потемнѣли воды
И подернулись свинцомъ,
И сквозь глянецъ ихъ суровый
Вечеръ пасмурно-багровый
Свѣтитъ радужнымъ лучемъ.

Сыплеть искры золотыя,
Сѣть розы огневья
И уносить ихъ потокъ.
Надъ волной темно-лазурной
Вечеръ пламенный и бурной
Обрываетъ свой вѣнокъ....

LV.

✓ ПЕРВЫЙ ЛИСТЪ.

Листъ зеленѣетъ молодой:

Смотри, какъ листьемъ молодымъ

Стоять обвѣяны березы,

Воздушной зеленью сквозной,

Полу-прозрачною какъ дымъ.

Давно имъ грезилось весной,

Весной и лѣтомъ золотымъ,

И вотъ живыя эти грезы,

Подъ первымъ небомъ голубымъ,

Пробились вдругъ на свѣтъ дневной.

О, первыхъ листьевъ красота,

Омытыхъ въ солнечныхъ лучахъ,

Съ новорожденною ихъ тѣнью !

И слышно намъ по ихъ движенью,

Что въ этихъ тысячахъ и тьмахъ

Не встрѣтишь мертваго листа.

✓
LVI.

Какъ весель грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутить небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжить —
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримою пятой
Лѣсные гнутся исполины;
Тревожно рошутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой, —
И сквозь внезапную тревогу,
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый жолтый листъ,
Крутятся, слетаетъ на дорогу....

LVII.

Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ,
Какъ на небѣ звѣзды рѣютъ,
Какъ подъ сумрачнымъ ихъ свѣтомъ
Нивы дремлющія зрѣютъ!...
Усыпительно-безмолвны,
Какъ блестятъ въ тиши ночной
Золотистыя ихъ волны,
Ублещенныя луной!

LVIII.

ГРОЗА ДОРОГОЙ.

Неохотно и несмѣло
Солнце смотритъ на поля....
Чу! за тучей прогремѣло,
Принахмурилась земля.

Вѣтра теплаго порывы,
Дальній громъ и дождь порой....
Зеленѣющія нивы
Зеленѣе подъ грозой.

Вотъ пробила изъ за тучи
Синей молніи струя;
Пламень бѣлый и летучій
Окаймилъ ея края.

Чаще капли дождевыя,
Вихремъ пыль летитъ съ полей,
И раскаты громовые
Все сердитѣй и смѣлѣй.

Солнце разъ еще взглянуло
Изподлобья на поля, —
И въ сіяньи потонула
Вся смятенная земля.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной
Какъ бѣдный нищій мимо саду
Бредеть по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣною разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухъ повисъ.

Лазурный гротъ какъ изъ тумана
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Какъ бѣдный нищій мимо саду
Бредеть по знойной мостовой.

LX.

Какъ ни дышетъ полдень знойный
Въ растворенное окно,
Въ этой храминѣ спокойной,
Гдѣ все тихо и темно,

Гдѣ живыя благовонья
Бродятъ въ сумрачной тѣни,
Въ сладкій сумракъ полусонья
Погрузись и отдохни.

Здѣсь фонтанъ неутомимый
День и ночь поетъ въ углу
И кропитъ росой незримой
Очарованную мглу.

И, въ мерцаньи полу-свѣта,
Тайной страстью занята,
Здѣсь влюбленнаго поэта
Вѣетъ легкая мечта.

LXI.

Я очи зналъ, — о, эти очи!
Какъ я любилъ ихъ — знаетъ Богъ.
Отъ ихъ волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не могъ.

Въ непостижимомъ этомъ взорѣ,
Жизнь обнажающемъ до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышалъ онъ грустный, углубленный
Въ тѣни рѣсницъ ея густой,
Какъ наслажденье утомленный
И какъ страданье роковой.

И въ эти чудныя мгновенья
Ни разу мнѣ не довелось
Съ нимъ повстрѣчаться безъ волненья
И любоваться имъ безъ слезъ.

LXII.

Вновь твои я вижу очи —
И одинъ твой южный взглядъ
Киммерійской грустной ночи
Вдругъ развѣялъ сонный хладъ....
Воскресаетъ предо мною
Край иной, — родимый край;
Словно прадѣдовъ виною
Для сыновъ погибшій рай.
Лавровъ стройныхъ колыханье
Зыблетъ воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Провѣваетъ лѣтній зной.
Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ;
Баснословной былью вѣетъ
Изъ подъ мраморныхъ аркадъ.
Сновидѣньемъ безобразнымъ
Скрылся сѣверъ роковой;
Сводомъ легкимъ и прекраснымъ
Свѣтитъ небо надо мной;
Снова жадными очами
Свѣтъ живительный я пью
И подъ чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

LXII

— про ужи и повт лавя
и омиръ твой южнй вала
и меришкой твостной по
... гдѣхъ идиной гдѣхъ гдѣхъ

LXIII.

Не говори : меня онъ какъ и прежде любить,
Какъ прежде мною дорожить....
О, вѣтъ! онъ жизнь мою безчеловѣчно губить,
Хоть, вижу, ножъ въ рукѣ его дрожить.

То въ гнѣвѣ, то въ слезахъ, тоскуя, негодуя,
Увлечена, въ душѣ уязвлена,
Я стражду, не живу... имъ, имъ однимъ живу я;
Но эта жизнь! о, какъ горька она !

Онъ мѣритъ воздухъ мнѣ такъ бережно и скудно —
Не мѣрятъ такъ и лютomu врагу....
Охъ, я дышу еще болѣзненно и трудно,
Могу дышать, но жить ужъ не могу.

Сербия славя въ войнѣ
Свояго жителя и прерывающа
Свѣтъ и до мнѣ;
Снова жидкимъ воя
Свѣтъ живительный в немъ
И подъ востромъ гдѣхъ
И въ востромъ гдѣхъ

LXIV.

О, не тревожь меня укорой справедливой:
Повѣрь, изъ насъ изъ двухъ завиднѣй часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу съ досадою ревнивой.

И, жалкій чародѣй передъ волшебнымъ міромъ,
Мной созданнымъ самимъ, безъ вѣры я стою
И самого себя, краснѣя, сознаю
Живой души твоей безжизненнымъ кумиромъ.

LXV.

✓
Чему молилась ты съ любовью ,
Что́ какъ святыню берегла ,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилаcь
Въ святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайнъ, и жертвъ, доступныхъ ей.

Ахъ, если бы живыя крылья
Души, парящей надъ толпой,
Ее спасали отъ насилья
Безсмертной пошлости людской!

Судьбы ужасныя и даждь

Твоя любовь иль любовь моя?

И невесты женины позоры

LXVI.

И невесты женины позоры

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй!

Давно ль, гордясь своей побѣдой,
Ты говорилъ: она моя....
Годъ не прошелъ, спроси и свѣдай,
Что уцѣлѣло отъ нея?

Куда ланить дѣвались розы,
Улыбка устъ и блескъ очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрѣчѣ,
При первой встрѣчѣ роковой,
Ея волшебный взоръ и рѣчи,
И смѣхъ младенчески живой?

И что жъ теперь? и гдѣ все это
И долговѣченъ ли былъ сонъ?
Увы, какъ сѣверное лѣто
Былъ мимолетнымъ гостемъ онъ!

Судьбы ужаснымъ приговоромъ
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженнымъ позоромъ
На жизнь ея она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
Въ ея душевной глубинѣ
Ей оставались воспоминанья....
Но измѣнили и онѣ.

И на землѣ ей дико стало,
Очарованіе ушло....
Толпа, нахлынувъ, въ грязь втоптала
То, что въ душѣ ея цвѣло.

И что жь отъ долгаго мученья
Какъ пеплъ сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль безъ отрады и безъ слезъ!

О, какъ убійственно мы любимъ!
Какъ въ буйной слѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе губимъ,
Что сердцу нашему милѣй.

LXVII.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ.

О, какъ на склонѣ нашихъ лѣтъ
Нѣжнѣй мы любимъ и суевѣрнѣй....
Сіяй, сіяй прощальный свѣтъ
Любви послѣдней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тѣнь,
Лишь тамъ на западѣ бродитъ сіянье,
Помедли, помедли, вечерній день,
Продлись, продлись очарованье.

Пускай скудѣетъ въ жилахъ кровь,
Но въ сердцѣ не скудѣетъ нѣжность....
О, ты, послѣдняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

ЛХVII

ЛХVIII.

ПОЭЗИЯ.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клоочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —
Небесная, — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

LXIX.

КОЛУМБЪ.

Тебѣ, Колумбѣ, тебѣ вѣнецъ!
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло,
И довершившій наконецъ
Судебъ неконченное дѣло.
Ты завѣсу расторгъ всеильною рукой —
И новый міръ, невѣдомый, неожиданный,
Изъ безпредѣльности туманной
На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой.
Такъ связанъ, съединенъ отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства
Разумный геній человѣка
Съ живою силой естества.
Скажи завѣтное онъ слово —
И міромъ новымъ естество
Всегда откликнуться готово
На голосъ родственный его.

LXX.

Обвѣянъ вѣщею дремотой,
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на вѣткѣ шелеститъ.

Гляжу съ участием умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ за тучъ,
Вдругъ по деревьямъ испещреннымъ
Молніевидный брызнетъ лучъ.

Какъ увядающее мило,
Какая прелесть въ немъ для насъ,
Когда, что такъ цвѣло и жило,
Теперь такъ немошно и хило,
Въ послѣдній улыбнется разъ!...

LXXI.

ПРЕДОПРЕДЪЛЕНИЕ.

Любовь, любовь — гласить преданье —
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ съединенье, сочетанье,
И роковое ихъ сліянье,
И поединокъ роковой.
И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
Въ борьбѣ неравной двухъ сердець,
Тѣмъ неизбѣжнѣй и вѣрнѣе,
Любя, страдая, грустно млѣя,
Оно изноетъ наконецъ.

LXXII.

ГРАФИНЪ Р. 1850 ГОДА.

(Въ отвѣтъ на ея письмо.)

Какъ подъ сугробомъ снѣжнымъ лѣни,
Какъ околдованный зимой,
Какимъ-то сномъ усопшей тѣни
Я спалъ зарытый, но живой!

И вотъ я чую, надо мною,
Не на яву и не во снѣ,
Какъ бы повѣяло весною,
Какъ бы запѣло о веснѣ....

Знакомый голосъ, голосъ чудный,
То лирный звукъ, то женскій вздохъ....
Но я, лѣнивонецъ безпробудный,
Я вдругъ откликнуться не могъ....

Я спалъ, въ оковахъ тяжелой лѣни,
Подъ осьми-мѣсячной зимой,
Какъ дремлютъ праведныя тѣни
Во мглѣ стигійской роковой;

Но этотъ сонъ полу-могильный,
Какъ надо мной ни тяготѣлъ,

Онъ самъ же, чародѣй всесильный,
Ко мнѣ на помощь подоспѣлъ.

Пріязни давней выраженья,
Ихъ для меня онъ уловилъ
И въ музыкальныя видѣнья
Знакомый голосъ воплотилъ....

Вотъ вижу я, какъ бы сквозь дымки,
Волшебный садъ, волшебный домъ...
И въ замкѣ Фей-невидимки,
Вдругъ очутились мы вдвоемъ, —
Вдвоемъ! и пѣснь ея звучала,
И отъ завѣтнаго крыльца
Гнала и буйнаго нахала,
Гнала и пошлаго льстеца.

LXXIII.

МОРЕ И УТЕСЬ.

(1848.)

И бунтуетъ и клоочетъ,
Плещетъ, свищетъ и реветъ,
И до звѣздъ донрянуть хочетъ,
До незыблемыхъ высотъ!

Адъ ли, адская ли сила,
Подъ клоочущимъ котломъ,
Огнь геенскій разложила
И пучину взворотила,
И поставила вверхъ дномъ?

Волнъ неистовыхъ прибоемъ
Безпрерывно валъ морской
Съ ревомъ, свистомъ, визгомъ, воемъ
Бьетъ въ утесъ береговой!
Но, спокойный и надменный,
Дурью волнъ не обуянъ,
Неподвижный, неизмѣнный,
Мірозданью современный,
Ты стоишь, нашъ великанъ.

И, озлобленная боемъ ,
Какъ на приступъ роковой,
Снова волны лѣзутъ съ боемъ
На гранить громадный твой.
Но о камень неизмѣнный
Бурный натискъ преломивъ,
Валъ отбрызнулъ сокрушенный,
И клубится мутной пѣной
Обезсиленный порывъ....
Стой же ты, утесъ могучій!
Обожди лишь часъ другой —
Надоѣстъ волнѣ гремучей
Воевать съ твоей пятой!
Утомясь потѣхой злою,
Присмирѣтъ вновь она,
И безъ вою и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою,
Вновь уляжется волна.

LXXIV.

НАПОЛЕОНЪ.

1.

Сынъ революціи! ты съ матерью ужасной
Отважно въ бой вступилъ и изнемогъ въ борьбѣ.
Не одолѣлъ ея твой геній самовластный!...
Бой невозможный, трудъ напрасный!...
Ты всю ее носилъ въ самомъ себѣ!...

2.

Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ слились:
Въ его главѣ — орлы парили,
Въ его груди — змѣи вились....
Ширококрылыхъ вдохновеній
Орлиный, дерзостный полетъ:
И въ самомъ буйствѣ дерзновеній
Змѣиной мудрости расчетъ!
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась къ нему....
Онъ былъ земной, не божій пламень!
Онъ гордо плылъ, презритель волнъ!
Но о подводный вѣры камень
Въ щепы разбился утлый челнъ.

3.

И ты стоялъ, передъ тобой Россія!
И вѣщій волхвъ, въ предчувствіи борьбы,
Ты самъ слова промолвилъ роковыя:

«Да сбудутся ея судьбы!!!.....»

И не напрасно было заклинанье —
Судьба откликнулась на голосъ твой!

Но новою загадкою въ изгнаньи

Ты возразилъ на отзывъ роковой.

Года прошли, и вотъ изъ ссылки тѣсной

На родину вернувшійся мертвецъ,

На берегахъ рѣки, тебѣ любезной,

Тревожный духъ, почилъ ты наконецъ.....

Но чутокъ сонъ, и, по почамъ тоскуя,

Порою вставъ, ты смотришь на востокъ,

И вдругъ, смутясь, бѣжишь, какъ бы почуя

Передразсвѣтный вѣтерокъ!

LXXV.

ПРОѢЗЖАЯ ЧЕРЕЗЪ КОВНО.

(1853.)

Ты ль это, Нѣманъ величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты столько лѣтъ, съ такою славой
Россіи вѣрный часовой!
Одинъ лишь разъ, по волѣ Бога,
Ты супостата къ ней впустилъ,
И цѣлость русскаго порога
Ты тѣмъ навѣки утвердилъ.

Ты помнишь ли бывшее, Нѣманъ, —
Тотъ день години роковой,
Когда стоялъ онъ надъ тобой,
Онъ самъ, — могучій, южный демонъ, —
И ты какъ нынѣ протекалъ,
Шумя подъ вражьими мостами,
И онъ струю твою ласкалъ
Своими чудными очами.

Побѣдно шли его полки,
Знамена весело шумѣли,

На солнцѣ искрились штыки,
Мосты подъ пушками гремѣли,
И съ высоты, какъ нѣкій богъ,
Казалось, онъ парилъ надъ ними,
И двигалъ всѣмъ и все стерегъ
Очами чудными своими.

Лишь Одного онъ не видалъ:
Не видѣлъ онъ, воитель дивный,
Что тамъ, на сторонѣ противной
Стоялъ Другой — стоялъ и ждалъ...
И мимо проходила рать —
Все грозно-боевые лица, —
И неизбежная Десница
Клала на нихъ свою печать.

Итакъ, побѣдно шли полки,
Знамена гордо развѣвались,
Струились молніей штыки,
И барабаны заливались...
Несмѣтно было ихъ число...
И въ этомъ безконечномъ строѣ
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое.

LXXVI.

НАШЪ ВѢКЪ.

Москва, 30 іюля 1853 года.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И челоуѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесъ выносить!...
И сознаетъ свою гибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.

Не скажетъ вѣкъ, съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
«Впусти меня! я вѣрю, Боже мой!
«Приди на помощь моему невѣрью!...»

LXXVII.

НА СМЕРТЬ ЖУКОВСКАГО.

Я видѣлъ вечеръ твой: онъ былъ прекрасенъ —
Послѣдній разъ прощаясь съ тобой,
Я любовался имъ: и тихъ и ясенъ
И весь насквозь проникнуть теплотой....
О, какъ они и грѣли и сіяли
Твои, поэтъ, прощальные лучи....
А между тѣмъ замѣтно выступали
Ужъ звѣзды первыя въ его ночи.

Въ немъ не было ни лжи, ни раздвоенья....
Онъ все въ себѣ мирилъ и совмѣщалъ.
Съ какимъ радушіемъ благоволенья
Онъ были мнѣ омировы читалъ!
Цвѣтущія и радужныя были
Младенческихъ, первоначальныхъ лѣтъ!
А звѣзды, между тѣмъ, на нихъ сводили
Таинственный и сумрачный свой свѣтъ.

По истинѣ, какъ голубь чистъ и цѣлъ
Онъ духомъ былъ, хоть мудрости змѣиной
Не презиралъ, понять ее умѣлъ, —
Но вѣялъ въ немъ духъ чисто голубиный.

И этою духовной чистотою
Онъ возмужалъ, окрѣпъ и просвѣтлѣлъ.
Душа его возвысилась до строю:
Онъ стройно жилъ, онъ стройно пѣлъ....

И этотъ-то души высокій строй,
Создавшій жизнь его, проникшій лиру,
Какъ лучшій плодъ, какъ лучшій подвигъ свой,
Онъ завѣщалъ взволнованному міру.
Пойметъ ли міръ, оцѣнитъ ли его?
Достойны ль мы священнаго залога?...
Иль не про насъ сказала Божество:
«Лишь сердцемъ чистые — тѣ узрятъ Бога!»

LXXVIII.

Конченъ пиръ, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзицы,
Не допиты въ кубкахъ вины,
На главахъ вѣнки измяты, —
Лишь курились ароматы,
Въ опустѣвшей свѣтлой залѣ.
Кончивъ пиръ, мы поздно встали;
Звѣзды на небѣ сіяли,
Ночь достигла половины....

Какъ надъ безпокойнымъ градомъ
Надъ дворцами, надъ домами
Шумнымъ уличнымъ движеньемъ
Съ тускло-рдянымъ освѣщеньемъ
И безумными толпами,
Какъ надъ этимъ дольнымъ чадомъ
Въ черномъ, выпренномъ предѣлѣ,
Звѣзды чистыя горѣли,
Отвѣчая смертныхъ взглядамъ
Непорочными лучами!

✓ LXXIX.

MOBILE COMME L'ONDE.

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Какъ, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна, —

Ты на солнце ли смѣешься,
Отражая неба сводъ,
Иль мятешься ты и бьешься
Въ одичалой безднѣ водъ!

Сладокъ мнѣ твой тихій шопотъ,
Полный ласки и любви;
Внятенъ мнѣ и буйный ропотъ,
Стоны вѣщіе твои.

Будь вѣрна стихіи бурной —
То угрюма, то свѣтла;
Но въ ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, какъ даръ завѣтный,
Въ зыбь твою я опустилъ,

И не камень самоцвѣтный
Я въ тебѣ похоронилъ.

Нѣтъ, въ минуту роковую,
Тайной прелестью влекомъ,
Душу, душу я живую
Схоронилъ на днѣ твоёмъ.

Апрѣля 1852 г.

LXXX.

НА НЕВѢ.

И опять звѣзда ныряетъ
Въ легкой зыбы невскихъ волнъ,
И опять любовь ввѣряетъ
Ей таинственный свой чолнъ.

И межъ зыбью и звѣздою
Онъ скользитъ, какъ бы во снѣ,
И два призрака съ собою
Вдаль уносить по волнѣ.

Дѣти ль это праздною лѣни
Тратятъ здѣсь досугъ ночной,
Иль блаженные двѣ тѣни
Покидаютъ міръ земной?

Ты, разлитая какъ море,
Пышно-струйная волна,
Пріюти въ твоёмъ просторѣ
Тайну скромнаго челна!

Іюль 1850.

✓
LXXXI.

День вечерѣтъ, ночь близка,
Длиннѣй съ горы ложится тѣнь,
На небѣ гаснутъ облака....
Ужь поздно. Вечерѣтъ день.

Но мнѣ не страшенъ мракъ ночной,
Не жаль скудѣющаго дня, —
Лишь ты, волшебный призракъ мой,
Лишь ты не покидай меня!....

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души.

Кто ты? откуда? какъ рѣшить?
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, можетъ быть, —
Но съ страстной женскою душой.

1 ноября 1851.

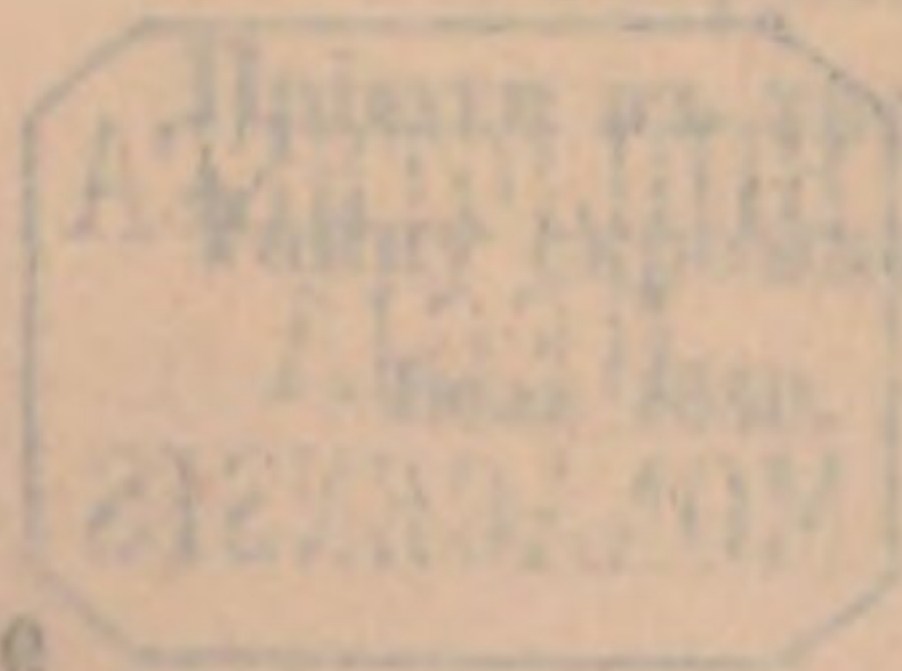

LXXXII.

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ.

Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы,
Избыткомъ жизни упоенъ.

Но и въ избыткѣ упоенья
Нѣтъ упоенія сильнѣй
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей....

LXXXIII.

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало....
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею....

LXXXIV.

Святая ночь на небосклонъ взошла
И день отраднѣй, день любезнѣй
Какъ золотой коверъ она свила, —
Коверъ, накинутый надъ бездною.
И, какъ видѣнье, внѣшнѣй міръ ушелъ...
И человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездною темною....
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое,
И въ чуждомъ, неразгаданномъ ночномъ
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое.

LXXXV.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Kennst du das Land?

Ты знаешь край, гдѣ миртъ и лавръ растетъ,
Глубокъ и чистъ лазурный неба сводъ,
Цвѣтетъ лимонъ и апельсинъ златой

Какъ жаръ горитъ подъ зеленою густой?...

Ты знаешь край?... туда, туда съ тобой
Хотѣла бъ я укрыться, милый мой!...

Ты знаешь высь съ стезей по крутизнамъ,
Лошакъ бредетъ въ туманѣ, по скаламъ,
Въ ущеляхъ горъ — отродье змѣй живетъ,
Гремитъ обвалъ и водопадъ реветъ?...

Ты знаешь путь?... туда и намъ съ тобой
Слѣдъ проложенъ: уйдемъ, властитель мой!

Ты знаешь домъ, на мраморныхъ столбахъ,
Сіяетъ залъ и куполъ весь въ лучахъ;
Глядятъ кумиры молча и грустя:

«Что, что съ тобою, бѣдное дитя?...»

Ты знаешь домъ?... туда, туда съ тобой,
Уйдемъ скорѣй, уйдемъ, родитель мой!

LXXXVI.

ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

Es lächelt der See.

Съ озера вѣтъ прохлада и нѣга —
Отрокъ заснулъ, убаюканъ у берега.

Блаженные звуки

Онъ слышитъ во снѣ:

То ангеловъ лики

Поютъ въ вышинѣ.

И весь онъ очнулся отъ райскаго сна.

Его обнимая, ласкаетъ волна, —

И слышитъ онъ голосъ,

Какъ ропотъ струи:

«Приди, мой красавецъ,

Въ объятья мои!»

LXXXVII.

ПОМИНКИ.

(Изъ Шиллера.)

Пала царственная Троя,
Сокрушенъ пріамовъ градъ,
И ахеяне, устроя
Свой на родину возвратъ,
На судахъ своихъ сидѣли,
Вдоль эгейскихъ береговъ,
И пѣанъ хвалебный пѣли,
Громко слава всѣхъ боговъ....
Раздавайся гласъ побѣдный!
Вы къ брегамъ родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
Въ путь возвратный, въ путь безбѣдный.

И сидѣла въ длинномъ строѣ
Грустно-блѣдная семья:
Жены, дѣвы падшей Трои,
Голося и слезы лья,
Въ горѣ общемъ и великомъ,
Плача о себѣ самихъ,

И съ побѣднымъ, буйнымъ кликомъ
Дико вопль сливался ихъ....

«Ждетъ насъ горькая неволя
Тамъ, вдали, въ странѣ чужой.
Ты прости, нашъ край родной!
Какъ завидна мертвыхъ доля!

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертвъ, Калхасъ,
Градозиждущей Палладъ,
Градорушащей молясь,
Посейдона силъ грозной,
Опоясавшаго міръ,
И тебѣ, эгидоносный —
Зевсъ, сгущающій эфиръ!
Опрокинутъ, уничтоженъ
Градъ великій Иліонъ!
Долгій, долгій споръ рѣшенъ —
Судъ безсмертныхъ непреложенъ.

Грозныхъ полчищъ воевода,
Царь царей, атреевъ сынъ,
Обозрѣлъ толпы народа,
Уцѣлѣвшій строй дружинъ.
И внезапною тоскою
Омрачился царскій взглядъ:
Много ихъ пришло подъ Трою,
Мало ихъ пойдетъ назадъ.

Такъ возвысьте жь гласъ хвалебный,
Пой и радуйся стократъ,
У кого златой возвратъ
Не похитилъ рокъ враждебный!

Но не всѣмъ сужденъ отъ Бога
Мирный, радостный возвратъ:
У домашняго порога
Многихъ кѣры сторожатъ....
Живъ и цѣлъ вернулся съ бою —
Гибнетъ въ храминѣ своей!
Рекъ Аѳиной всеблагою
Вдохновенный Одиссей....

Тотъ лишь домъ и твердь и прочень,
Гдѣ семейный святъ уставъ;
Легковѣренъ женскій нравъ
И измѣнчивъ и порочень.

И супругой, взятой съ бою,
Снова счастливый Атридъ,
Пышный станъ обвивъ рукою,
Страстный взоръ свой веселить —
Злое злой конецъ пріемлетъ!
За несчастьемъ казни слѣдитъ —
Въ небѣ судъ боговъ не дремлетъ!
Право царствуетъ Кронидъ....

Злой конецъ началу злomu!
Право правящій Кронидъ

Вѣроломцу страшно мститъ
И семьѣ его и дому.

Хорошо любимцамъ счастья —

Рекъ Аякса братъ меньшей —

Олимпійцевъ самовластье

Величать своей хвалою!...

Неподвластно высшей силѣ

Счастье въ прихотяхъ своихъ :

Другъ Патроклъ давно въ могилѣ,

А Терситъ еще въ живыхъ!.....

Счастье жеребія сѣть

Своевольною рукой.

Веселись и пѣсни пой

Тотъ, кого свѣтило грѣтъ!

Будь утѣшенъ, братъ любимый!

Память вѣчная тебѣ!...

Ты — оплотъ несокрушимый

Чадъ ахейскихъ въ ихъ борьбѣ!...

Въ день ужасный, въ день кровавый

Ты одинъ за всѣхъ стоялъ!

Но не сильный, а лукавый

Мзду великую стяжалъ....

Не врага рукой побѣдной —

Отъ руки ты палъ своей!...

Ахъ! и лучшихъ изъ людей

Часто губить гнѣвъъ зловерный,

И твоей теперь державной
Тѣни, доблестный Пелидъ!
Сынъ твой Пирръ, воитель славный,
Возліяніе творить....
Какъ тебя, о мой родитель,
Никого — онъ возгласилъ —
Зевсъ, великій промыслитель,
На землѣ не возносилъ.

На землѣ, гдѣ все измѣнно,
Выше славы блага нѣтъ.

Нашу персть — земля возьметъ,
Имя славное — нетлѣнно.

Хоть о падшихъ, побѣжденныхъ
И молчитъ побѣдный кликъ,
Но и въ родахъ отдаленныхъ,
Гекторъ, будешь ты великъ!...
Вѣчной памяти достоинъ,
— Сынъ тидеевъ провѣщалъ —
Кто какъ честный, храбрый воинъ,
Край отцевъ спасая, палъ....

Честь тому, кто, не робѣя,
Жизнь за братій положилъ....

Побѣдитель побѣдилъ —

Слава падшаго святѣе!...

Старецъ Несторъ днесъ, маститый
Брашникъ, кубокъ взявъ, встаетъ,

И сосудъ, плющемъ обвитый,
Онъ Гекубѣ подаетъ :
Выпей, мать, струи цѣлебной
И забудь весь свой уронъ !
Силенъ Вакха сокъ волшебный,
Дивно насъ врачуетъ онъ....

Мать, вкуси струи цѣлебной
И забудь судебъ законъ.
Дивно насъ врачуетъ онъ,
Бога Вакха даръ волшебный.

И Ніобы древней сила,
Горемъ злымъ удручена,
Сока дивнаго вкусила,
И утѣшилась она!
Лишь сверкнетъ въ застольной чашѣ
Благодатное вино,
Въ Лету рухнетъ горе наше
И пойдетъ какъ ключъ на дно.

Да, пока играетъ въ чашѣ
Всемогучее вино,
Горе въ Лету снесено,
Въ Лету тонетъ горе наше!

И воздвиглась на прощанье
Провозвѣстница жена
И исполнилась вѣщанья
Вдохновеннаго она ,

И пожарище родное
Обозрѣвъ въ послѣдній разъ :
Дымъ и паръ здѣсь все земное,
Вѣчность, боги, лишь у васъ!....

Какъ уходятъ клубы дыма,
Такъ уходятъ наши дни!

Боги, вѣчны вы одни,

Все земное идетъ мимо.

LXXXVIII.

САКОНТАЛА.

(Изъ Гёте.)

Что́ юный годъ даетъ цвѣтамъ
Ихъ дѣвственный румянецъ,
Что́ зрѣлый годъ даетъ плодамъ
Ихъ царственный багрянецъ,
Что́ нѣжить взоръ и веселить,
Какъ перлъ, въ моряхъ цвѣтущій,
Что́ грѣетъ душу и живить,
Какъ нектаръ всемогущій,
Весь цвѣтъ сокровищницъ мечты,
Весь полный цвѣтъ творенья,
И, словомъ : небо красоты,
Въ лучахъ воображенья, —
Все, все поэзія слила
Въ тебѣ одной, *Саконталѣ*.

ЛХХХІХ.

ИЗЪ ФАУСТА.

. . . . Фаустъ. . . .

Зачѣмъ губить въ уныніи пустомъ

Сего часа благое достоянье?...

Смотри, какъ хижины кругомъ

Осыпало вечернее сіянье....

День пережить, и къ небесамъ инымъ

Свѣтило дня несутъ животворенье....

О, гдѣ крыло, чтобъ взвиться вслѣдъ за нимъ,

Прильнуть къ его лучамъ, слѣдить его теченье?

У ногъ моихъ лежитъ прекрасный міръ

И, вѣчно-вечерѣющій, смѣется....

Всѣ выси въ заревѣ, во всѣхъ долинахъ миръ,

Сребристый ключъ въ златыя рѣки льется.

Надъ цѣпью дикихъ горъ, лѣсистыхъ странъ

Полетъ богоподобный вѣтъ,

И ужь вдали открылся и свѣтлѣетъ

Съ заливами своими океанъ....

Но свѣтлый богъ главу въ пучины клонитъ

И вдругъ крыла таинственная мочь

Вновь ожила и вслѣдъ за уходящимъ гонитъ,

И вновь душа въ потокахъ свѣта тонетъ.
Передо мною день, за мною ночь,
У ногъ равнина водъ и небо надъ главою.
Прекрасный сонъ!... и суетный!... прости!...
Къ крыламъ души, парящимъ надъ землею,
Нескоро намъ тѣлесныя найти!...
Но сей порывъ, сіе и вверхъ и вдаль стремленье —
Оно природное внушенье,
У всѣхъ людей оно въ груди....
И оживаетъ въ нихъ порою,
Когда, весной, надъ нашей головою,
Изъ облаковъ пѣснь жавронка звенитъ,
Когда надъ крутизной лѣсистой
Орелъ, ширяся, паритъ,
Поверхъ озеръ иль степи чистой.
Журавль на родину спѣшитъ....

ХС.

ПРИВѢТСТВІЕ ДУХА.

(Изъ Гёте.)

На старой башнѣ, у рѣки,
Духъ рыцаря стоитъ
И лишь завидитъ челноки
Привѣтомъ ихъ дарить:

«Кипѣла кровь и въ сей груди,
«Кулакъ былъ изъ свинца,
«И богатырскій мозгъ въ кости,
«И кубокъ до конца!

«Пробушевалъ полъ-жизни я,
«Другую проволоку;
«А ты плыви, плыви, ладья,
«Куда несетъ потокъ!»

ХСІ.

ИЗЪ ШЕКСПИРА.

Любовники, безумцы и поэты
Изъ одного воображенья слиты....
Тотъ зрить бѣсовъ, какихъ и въ адѣ нѣтъ:
(Безумецъ то есть) сей, равно безумный,
Любовникъ страстный, видитъ, очарованъ,
Елены красоту въ цыганкѣ смуглой.
Поэта око, въ свѣтломъ изступленьи,
Круговращаясь, блещетъ и скользитъ
На землю съ неба, на небо съ земли,
И лишь создастъ воображенье виды
Существъ невѣдомыхъ, поэта жезлъ
Ихъ претворяетъ въ лица и даетъ
Тѣнямъ воздушнымъ мѣстность и названье!

ХСІІ.

ПѢСНЯ.

(Изъ Шекспира.)

Заревѣлъ голодный левъ,
И на мѣсяцъ волкъ завылъ:
День съ трудомъ преодолѣвъ,
Бѣдный пахарь опочилъ.

Угли гаснутъ на кострѣ,
Дико филинъ прокричалъ
И больному на одрѣ
Скорый саванъ провѣщалъ.

Всѣ кладбища, сей порой,
Изъ зіяющихъ гробовъ,
Въ сумракъ мѣсяца сырой
Высылаютъ мертвецовъ!....

хсш.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Другъ, откройся предо мною:
Ты не призракъ ли какой,
Какъ выводитъ ихъ порою
Мозгъ поэта огневой!...

Нѣтъ, не вѣрю: этихъ щочекъ,
Этихъ глазокъ милый свѣтъ,
Этотъ ангельскій роточекъ
Не создастъ никакъ поэтъ.

Василиски и вампиры,
Конь крылатъ и змѣй зубастъ —
Вотъ мечты, его кумиры;
Ихъ творить поэтъ гораздъ.

Но тебя, твой станъ эфирный,
Сихъ ланить волшебный цвѣтъ,
Этотъ взоръ лукаво-смирный
Не создастъ никакъ поэтъ.

XCIV.

Cache-cache.

Вотъ арфа ея въ обыкновенъ углу,
Гвоздики и розы стоятъ у окна,
Полуденный лучъ задремалъ на полу :
Условное время ! Но гдѣ же она ?

О, кто мнѣ поможетъ шалунью съискать,
Гдѣ, гдѣ пріютилась сѣльфида моя ?
Волшебную близость, какъ бы благодать,
Разлитую въ воздухъ, чувствую я.

Гвоздики не даромъ лукаво глядятъ,
Не даромъ, о розы, на вашихъ листахъ
Жарчѣе румянецъ, свѣжѣй ароматъ :
Я понялъ, кто скрылся, зарылся въ цвѣтахъ !

Не арфы ль твоей мнѣ слышался звонъ ?
Въ струнахъ ли мечтаешь укрыться златыхъ ?
Металлъ содрогнулся, тобой оживленъ,
И владостный трепетъ еще не затихъ.

Какъ пляшутъ пылинки въ полдневныхъ лучахъ!
Какъ искры живыя въ родимомъ огнѣ!
Видалъ я сей пламень въ знакомыхъ очахъ,
Его упоенье извѣстно и мнѣ.

Влетѣлъ мотылекъ, и съ цвѣтка на другой,
Притворно-безпечный, онъ началъ порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

ХСѸ.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА.

Душой весны природа ожила,
И блещетъ все въ торжественномъ покоѣ:
Лазурь небесъ и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругомъ покрылись новымъ цвѣтомъ,
И тѣни ихъ средь общей тишины
Чуть зыблются дыханіемъ волны
На мраморѣ, весною разогрѣтомъ....

Давно ль умолкъ Перунъ его побѣдъ,
И гуль отъ нихъ стоитъ доселѣ въ мірѣ....
И умъ людей великой тѣнью полнъ,
А тѣнь его, одна, на брегѣ дикомъ,
Чужда всему, внимаетъ шуму волнъ
И тѣшится морскихъ пернатыхъ крикомъ.

ХСХ

ХСVІ.

ВЪ АЛЬБОМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(Изъ Байрона.)

Какъ медлитъ путника вниманье
На хладныхъ камняхъ гробовыхъ,
Такъ привлечетъ друзей моихъ
Руки знакомой начертанье !...

Чрезъ много, много лѣтъ оно
Напомнитъ имъ о прежнемъ другѣ:
«Его ужъ нѣту въ вашемъ кругѣ;
Но сердце здѣсь погребено!...»

ХСѸІІІ.

СЛЕЗЫ.

O lacrimarum fons....

Gray.

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпуръ искрометныхъ винъ,
Или плодовъ между листьями
Благоухающій рубинъ.

Люблю смотрѣть, когда созданье
Какъ бы погружено въ веснѣ,
И міръ заснулъ въ благоуханьѣ
И улыбается во снѣ!...

Люблю когда лицо прекрасной
Весенній воздухъ пламенить,
То кудрей шолкъ взвѣваетъ сладострастной,
То въ ямочки впивается ланить!

Но что всѣ прелести пафосскія царицы,
И гроздій сокъ и запахъ розъ,
Передъ тобой, святой источникъ слезъ,
Роса божественной денницы!...

Небесный лучъ играетъ въ нихъ
И, преломясь о капли огневья,
Рисуетъ радуги живыя
На тучахъ жизни громовыхъ.

И только смертнаго зеницъ
Ты, ангелъ слезъ, дотронешься крылами —
Туманъ разсѣется слезами,
И небо серафимскихъ лицъ
Вдругъ разовьется предъ очами.

ХСІХ.

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ.

О, не кладите меня
Въ землю сырую :
Скройте , заройте меня
Въ траву густую.
Пускай дыханье вѣтерка
Шевелить траввою —
Свирѣль поетъ издалека,
Свѣтло и тихо облака
Плывутъ надо мною.

С.

КЪ НИСЪ.

Ниса, Ниса, Богъ съ тобою!

Ты презрѣла дружнѣй гласъ,

Ты поклонниковъ толпою

Оградилася отъ насъ.

Равнодушно и безпечно,

Легковѣрное дитя,

Нашу дань любви сердечной

Ты отвергнула шутя.

Нашу вѣрность промѣняла

На невѣрный блескъ, пустой, —

Нашихъ чувствъ тебѣ, знать, мало:

Ниса, Ниса, Богъ съ тобой!

СІ.

ПѢСНЬ СКАНДИНАВСКИХЪ ВОИНОВЪ.

Хладенъ, свѣтелъ,
День проснулся —
Ранній петель

Встрепенулся —
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодръй, бодръй
На пиръ мечей,
На брань!...

Предъ нами нашъ вождь!
Мужайтесь, о други, —
И вслѣдъ за могучимъ
Ударимъ грозой!...

Вихремъ помчимся
Сквозь тучи и громъ,
Къ солнцу побѣды
Вслѣдъ за орломъ!....

Гдѣ битва мрачнѣе, воители чаще,
Гдѣ срослися щиты, гдѣ сплелися мечи,
Туда онъ ударить — перунъ вседробящій —

И слѣдъ огнезвѣздный и кровью горящій
Пророетъ дружинѣ въ желѣзной ночи.

За нимъ, за нимъ — въ ряды враговъ
Смѣлѣй, друзья, за нимъ!...

Какъ груды скалъ, какъ море льдовъ —
Прорвемъ ихъ и стѣснимъ!

Хладенъ, свѣтелъ,
День проснулся —
Ранній петель
Встрепенулся —
Дружина, воспрянь!

Не кубокъ кипящій душистаго меда
Румяное утро героямъ вручить;
Не сладостныхъ женъ любовь и бесѣда
Вамъ душу согрѣетъ и жизнь оживить;
Но васъ, обновленныхъ прохладою сна, —
Кровавая битвы подыметъ волна!...

Дружина воспрянь!...
Смерть иль побѣда!...
На брань!...

СП.

ПРОБЛЕСКЪ.

Слыхалъ ли въ сумракъ глубокомъ
Воздушной арфы легкій звонъ,
Когда полуночь ненарокомъ
Дремавшихъ струнъ встревожить сонъ?...

То потрясающіе звуки,
То замирающіе вдругъ....
Какъ бы послѣдній ропотъ муки
Въ нихъ отозвавшись потухъ!

Дыханье каждое зефира
Взрываетъ скорбь въ ея струнахъ....
Ты скажешь: ангельская лира
Груститъ, въ пыли, на небесахъ!

О, какъ тогда съ земнаго круга
Душой къ безсмертному летимъ!
Минувшее, какъ призракъ друга,
Прижать къ груди своей хотимъ.

Какъ вѣр~~имъ~~ вѣрою живою,
Какъ се~~р~~дцу радостно, свѣтло!
Какъ бы эфирною струею
По жиламъ небо протекло.

Но, ахъ, не намъ его судили;
Мы въ небѣ скоро устаемъ, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

Едва усиліемъ минутнымъ
Прервемъ на часъ волшебный сонъ,
И взоромъ трепетнымъ и смутнымъ,
Привставъ, окинемъ небосклонъ, —

И отягченною главою,
Однимъ лучемъ ослѣплены,
Вновь упадемъ не къ покою,
Но въ утомительные сны.

СІІІ.

УСПОКОЕНИЕ.

Гроза прошла — еще курясь, лежалъ
Высокій дубъ перунами сраженной,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени грозою освѣженной :

А ужь давно звучнѣе и полнѣй
Пернатыхъ пѣснь по рощѣ раздалася,
И радуга концемъ дуги своей
Въ зеленыхъ вершины уперлася!...

СІУ.

(ИЗЪ ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА).

Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ,
Кто въ жизни, цѣлыми ночами,
Стеня, на ложѣ не сидѣлъ, —
Тотъ не знакомъ съ небесными властями!

.....
Нѣтъ на землѣ проступка безъ отмщенья!

Кто хочетъ міру чуждымъ быть,
Тотъ скоро будетъ чуждъ, —
Ахъ, людямъ есть кого любить —
Что имъ до нашихъ нуждъ!

Такъ! что вамъ до меня!
Что вамъ бѣда моя!
Она лишь про меня —
Съ ней не разстанусь я!

Какъ крадется къ милой любовникъ, тайкомъ:
«Откликнись, другъ милой, одна ль?»

Такъ бродить и ночью и днемъ,
Кругомъ меня тоска,
Кругомъ меня печаль!...
Ахъ, развѣ лишь въ гробу
Отъ нихъ укрыться мнѣ —
Въ гробу, въ землѣ сырой —
Тамъ бросятъ и онѣ!...

CV.

Не даромъ милосердымъ Богомъ

Пугливой птичка создана :

Спасенья вѣрнаго залогомъ

Ей робость чуткая дана.

И нѣтъ для бѣдной птички проку

Въ свойствѣ съ людьми, съ семьей людской :

Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ ближе къ року —

Не слобровать подъ ихъ рукой....

Вотъ птичку дѣвушка вскормила

Отъ первыхъ перушекъ съ гнѣзда,

Взлелѣяла и возростила

И не жалѣла, не щадила

Для ней ни ласки, ни труда.

Но какъ съ любовію тревожной

Ты, дѣва, ни не клась о ней,

Настанетъ день, — день непреложный :

Питомецъ твой неосторожный

Погибнетъ подъ ногой твоей....

СѢІ.

ДВА ГОЛОСА.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравенъ, борьба безнадежна.
Надъ вами свѣтила молчатъ въ вышинѣ;
Подъ вами могилы — молчатъ и онѣ.

Пусть въ горнемъ Олимпѣ блаженствуютъ боги!
Безсмертье ихъ чуждо труда и тревоги;
Тревога и трудъ лишь для смертныхъ сердець...
Для нихъ нѣтъ побѣды, для нихъ есть конецъ.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Какъ бой ни жестокъ, ни упорна борьба!
Надъ вами безмолвные звѣздные круги....
Подъ вами нѣмые, глухіе гроба.

Пускай олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердець:
Кто ратуя палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдный вѣнецъ.

СѢН.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихіи одной!
Въ серцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ — на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
Тотъ же все призракъ, тревожно пустой!

СѢН.

Не разсуждай, не хлопочи...
Безумство ищетъ, глупость судить;
Дневныя раны сномъ лечи, —
А завтра быть тому, что́ будетъ.
Живя, умѣй все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать, о чемъ тужить?
День пережить — и слава Богу.

СІХ.

(1850.)

Ужъ третій годъ бѣснуются языки —
Вотъ и весна, и съ каждою весной,
Какъ стая дикихъ птицъ передъ грозой,
Тревожнѣй шумъ, разноголоснѣй крики.

Въ раздумьи грустномъ князи и владыки
И держатъ вожжи трепетной рукой,
Подавленъ умъ злобѣщею тоской;
Мечты людей какъ сны больного дики.

Но съ нами Богъ!.... сорвавшись со дна,
Вдругъ одурѣвъ, полна грозы и мрака,
Стремглавъ на насъ рванулась глубина, —
Но твоего не помутила зрака....
Вѣтръ свирѣпѣлъ; но.... *да не будетъ тако:*
Ты рекъ и — вспять отхлынула волна.

СХ.

РАЗСВѢТЪ.

(Писано въ 1850 году.)

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ, —
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

Еще молчатъ колокола,
А ужъ востокъ заря румянитъ,
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.

Вставай же, Русь! ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?

Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь Востокъ имъ огласися!

Тебя зоветъ и будить онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, испоинъ державный!...
О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

— 139 —
Тебя зовутъ и зовутъ оны!
Встань, встань, встань!

Въ зоряхъ встань встань оны,
И съ болотъ, встань встань оны!
О Русь, встань встань оны,
Встань встань встань оны!

РАССВѢТЪ.

(Начало въ 1830 году.)

Не въ первомъ развѣсѣхъ оныхъ,
Крѣпко оны встань, оны,
Ужъ встань на востокъ оныхъ,
Струя въ востокъ оныхъ.

Еще встань колоколъ,
А ужъ встань оны встань,
Нова встань оны встань,
И скоро встань оны встань.

Встань оны, Русь! ужъ встань оны,
Встань Христовой оны встань,
Ужъ по поръ оны, перекрестъ оны,
Удари въ колоколъ оны встань!

Раздайся: встань оны встань,
И оны встань оны встань!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Утро въ горахъ	1
Снѣжныя горы.	2
Полдень	3
«Песокъ сыпучій по колѣни»	4
Весеннія воды	5
Осенній вечеръ	6
«Что ты клонишь надъ водами»	7
Весна	8
«Давно ль, давно ль, о югъ блаженный»	10
«Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной»	12
«Я помню время золотое».	13
«Не то, что мните вы, природа»	15
«Съ какою нѣгою, съ какой тоской влюбленный»	17
«И гробъ опущенъ ужь въ могилу»	18
Итальянская вилла	19
Silentiū.	21
«Какъ птичка раннею зарей»	22
«Какъ надъ горячею золой»	23
«Въ душномъ воздухѣ молчанье»	24
«Душа моя — элизиумъ тѣней»	26
«Черезъ ливонскія я проѣзжалъ поля»	27
«О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной»	28
«Душа хотѣла бъ быть звѣздой»	29
«Такъ здѣсь-то суждено намъ было»	30
«Еще шумѣлъ веселый день»	31
Цидеронъ	33

	Стр.
Фонтанъ	34
Двумъ сестрамъ	35
«Востокъ бѣлѣлъ.... ладья катилась»	36
«Потокъ сгустился и тускнѣетъ»	37
«Яркій снѣгъ сіялъ въ долинѣ»	38
«Тамъ, гдѣ горы, убѣгая»	39
«Надъ виноградными холмами»	41
«Смотри, какъ западъ разгорѣлся»	42
Арфа Скальда	43
Лебедь.	44
День и ночь	45
Не вѣрь, не вѣрь поэту!	46
Весенняя гроза.	47
Сонъ на морѣ	48
Видѣніе	49
«Вечеръ мгlistый и ненастный»	50
«Итакъ, опять увидѣлся я съ вами»	51
«Глядѣлъ я, стоя надъ Невой»	52
«Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ»	53
«Еще томлюсь тоской желаній»	54
«Когда въ кругу убійственныхъ заботъ»	55
«Вдали отъ солнца и природы»	56
«Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ вышинѣ»	57
Слезы	58
Плаваніе	59
Венеція	60
Римъ ночью	62
«Подъ дыханьемъ непогоды»	63
Первый листъ	64
«Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь»	65
«Тихой ночью, позднимъ лѣтомъ»	66
Гроза дорогой	67
«Пошли Господь свою отраду»	68

	Стр.
«Какъ ни дышетъ полдень знойный»	69
«Я очи зналъ, — о, эти очи»	70
«Вновь твои я вижу очи»	71
«Не говори: меня онъ какъ и прежде любить»	72
«О, не тревожь меня укорой справедливой»	73
«Чему молилась ты съ любовью»	74
«О, какъ убійственно мы любимъ»	75
Послѣдняя любовь	77
Поэзія	78
Колумбъ	79
«Обвѣянь вѣщею дремотой»	80
Предопредѣленіе	81
Графинѣ Р. 1850 года. (Въ отвѣтъ на ея письмо.)	82
Море и утесъ (1848)	84
Наполеонъ	86
Проѣзжая черезъ Ковно. (1853.)	88
Нашъ вѣкъ	90
На смерть Жуковского	91
«Конченъ пиръ, умолкли хоры»	93
Mobile comme l'onde	94
На Невѣ	96
«День вечерѣетъ, ночь близка»	97
«Сіяетъ солнце, воды блещутъ»	98
«Не остывшая отъ зною»	99
«Святая ночь на небосклонъ взошла»	100
Изъ Гёте	101
Изъ Шиллера	102
Помянки. (Изъ Шиллера.)	103
Саконта. (Изъ Гёте)	110
Изъ Фауста	111
Привѣтствіе духа. (Изъ Гёте)	113
Изъ Шекспира	114
Пѣсня. (Изъ Шекспира)	115

	Стр.
Изъ Гейне	116
Cashe-Cashe	117
Могила Наполеона	119
Въ альбомъ друзьямъ. (Изъ Байрона).	120
Съ чужой стороны. (Изъ Гейне)	121
Слезы	122
Весеннее успокоеніе.	124
Къ Нисѣ	125
Пѣснь скандинавскихъ воиновъ.	126
Проблескъ	128
Успокоеніе	130
Изъ Вильгельма Мейстера.	131
«Не даромъ милосердымъ Богомъ»	133
Два голоса	134
«Дума за думой, волна за волной»	135
«Не разсуждай, не хлопочи»	136
«Ужь третій годъ бѣснуются языки»	137
Разсвѣтъ	138

H.C. FÖRSTER

germanische Schreiner

bgl. Buchbinder

Galanterie u. Etuisarbeiter

Handschrafter. Preise No. 8-5

in München.

Tjutčev, Fëdor I.,

Stichotvorenija F. Tjutčeva

Sanktpeterburg 1854

Res/P.o.rel. 3520

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036491-2